

Гу Цзэ бросил несколько взглядов в зеркало заднего вида, и внезапно в его голове промелькнуло несколько картинок.

— Ты что к нему лезешь? Цинь Ся!

— Кто просил его выступать против нас, разве ты не злишься? Он явно не хотел ту вещь, он просто решил бросить тебе вызов, надо проучить его!

По изначальному сюжету, когда они выходили оттуда, привыкший никогда не утруждать себя Цинь Ся сам вызвался вести машину. Гу Цзэ посчитал, что тот просто балуется, получив желанную вещь, и никак не ожидал, что Цинь Ся заметил впереди машину И Яньци и захотел отомстить, чтобы выпустить пар.

И Яньци тоже был не из тех, кого легко прогнуть. Гу Цзэ прекрасно его знал: если довести его до предела, он скорее разобьет тысячу врагов ценой восьми сотен собственных потерь, но ни за что не станет глотать обиду в тишине.

И действительно, после пары попыток подрезать И Яньци прибавил скорость. Гу Цзэ думал, что тот развернется и попытается их протаранить. Но нет, он просто ускорился.

Цинь Ся все еще не выпустил пар, вдавил педаль газа, и спорткар взмыл вперед, словно стрела. Обе машины неслись по горному серпантину с бешеной скоростью, пугая остальных гостей, выходивших с аукциона, — те жались к обочине, смертельно боясь попасть под удар.

Гу Цзэ посчитал, что это уже через чур, и протянул руку, прижав руль:

— Малыш, хватит, мы уже получили эту вещь.

— Ты защищаешь его? — Цинь Ся был похож на разъяренного маленького львенка.

Гу Цзэ совершенно не понимал:

— С чего бы мне его защищать? Я ведь тоже зол, это правда, но чего ты хочешь добиться? Насмерть его сбить? Что я тогда скажу его родителям?

— Цинь Ся, я уже говорил: не лезь в мои счёты с ним, я сам во всем разберусь. Возвращайся на главную дорогу, мы уезжаем, и не заставляй меня повторять дважды.

Голос Гу Цзэ похолодел. Цинь Ся явно был не согласен, но послушаться не смел, и в самом конце еще раз подрезал этот Кайенн. На этот раз они прижались так близко, что Гу Цзэ даже услышал легкий скрежет. К счастью, их скорость уже упала, так что обошлось без аварии.

Миновав поворот, Гу Цзэ в зеркало заднего вида заметил, как И Яньци припарковался у обочины. Тонкая фигура, облаченная в деловой костюм, с трудом вывалилась из машины, хватаясь за ограждение и согнувшись пополам от приступов тошноты.

Гу Цзэ резко выпрямился. Его рука уже легла на дверной замок, но тут же медленно опустилась обратно.

В голове на мгновение все поплыло.

О чем он вообще переживает? Разве это не его заклятый враг?

Гу Цзэ не лгал: он действительно был крайне недоволен сегодняшней выходкой И Яньци. Они же договорились — их развод не должен стать публичным. Чтобы репутация обеих компаний не пострадала от сплетен, на людях они по-прежнему избегали открытых столкновений.

Он был зол, и он имел на это полное право. И то, что Цинь Ся немного отомстил ему, тоже было в порядке вещей. В голове крутились подобные мысли, но в то же время Гу Цзэ отчетливо чувствовал: при виде того, как И Яньци только что скрючилось, на душе у него скребли кошки. Ему даже стало немного стыдно.

Но в конце концов он так ничего и не предпринял — просто уехал вместе с Цинь Ся.

Раздался оглушительный грохот. Вспомнив этот эпизод сюжета, Гу Цзэ со злостью ударил по рулю.

Это был момент, когда он острее всего ощутил, как его сознание сжимают и подчиняют чужой воле.

Оказывается, все это время он был лишь марионеткой в кукольном спектакле, да еще и пущечным мясом, второстепенным персонажем до кучи!

Гу Цзэ снова глянул в зеркало заднего вида на черный Кайенн, следовавший за ними, и нахмурился, его взгляд был полон противоречивых чувств.

Там было замешано и недоумение, и чувство вины, и крошечная примесь эмоций, которые он не то не мог разогнать, не то не хотел признавать. Во всяком случае, в голове неотступно всплывала та сцена: согнувшийся пополам, жалкого вида И Яньци, которого тошнит. Гу Цзэ казалось, что его сердце сжали в тисках, в груди было тяжело и саднило.

Если его сознанием управляли, то как насчет И Яньци? Вряд ли во всей этой книге он единственный был просто сюжетной марионеткой для продвижения истории.

Если подумать с этой точки зрения... неужели все те странные, беспричинные выходки И Яньци тоже объяснялись тем, что им кто-то манипулировал?

Гу Цзэ на мгновение задумался, и скорость машины тоже постепенно упала. Ему стало как-то душно, захотелось припарковаться и выйти подышать свежим воздухом.

Но в этот самый момент сзади на бешеной скорости вылетел черный джип. В одно мгновение он обогнал Кайенн и, подобно черной пантере, помчался прямо на розовый Бугатти, в котором сидел Гу Цзэ!

Все произошло слишком быстро, но реакция Гу Цзэ оказалась достаточно молниеносной. Он не успевал размышлять о причинах и целях появления этой машины — инстинкт самосохранения заставил его со всей силы вдавить педаль газа.

И все же он опоздал на мгновение.

Расстояние между двумя машинами сократилось с молниеносной скоростью — его уже не хватало, чтобы Гу Цзэ смог выскользнуть невредимым. В самый критический момент он бросил взгляд влево. Горный серпантин: помимо самого автомобиля, его защиту составлял лишь тонкий ряд железных ограждений. Стоило джипу протаранить его, как он проломит эту жестянку и вместе с машиной полетит со скалы.

У Гу Цзэ запульсировало в висках. Он вдруг подумал: а не слишком ли рано он обрадовался? Наказание за самовольное изменение мировой линии никуда не делось, оно просто припозднилось и настигло его именно сейчас.

В тот самый момент, когда джип отделяли от Бугатти буквально считанные сантиметры и столкновение казалось неизбежным, сзади резко вклинился черный Кайенн. До упора вдавив педаль газа, он без малейших колебаний понесся вперед — словно другая бросившаяся в погоню черная пантера, которая с разбегу вцепилась мертвой хваткой в горло джипа. Джип отбросило на скалу, раздался оглушительный грох, но машина не сбавила скорость, высекая из камней пронзительный скрежет и ревя диким зверем.

Гу Цзэ оцепенел. Его собственный автомобиль все еще летел вперед по инерции от предыдущего ускорения. Придя в себя, он резко нажал на тормоз, выкрутил руль и бросил машину назад.

За это время на горный серпантин успело подняться немало гостей, выехавших с аукциона следом. Среди них хватало приятелей Гу Цзэ из его тусовки. Все эти золотые мальчики рассекали исключительно на спорткарах, и, завидев, что Гу Цзэ попал в беду, они один за другим включили гоночный режим, обгоняя друг друга и стремясь вперед — на дороге воцарился сплошной рев моторов.

Сообразив, что дело пахнет керосином, джип, чей кузов уже был смят после удара Кайенна,

грубо оттолкнул все еще не желавший разжимать хватку Кайенн. Виляя из стороны в сторону, он понесся вперед, разминувшись вплотную с розовым Бугатти. Гу Цзэ скосил глаза и в это мгновение краткого разъезда встретился взглядом с тем, кто сидел за рулем.

Это был тот самый долговязый тощий мужчина с монофокальным взглядом, которого Гу Цзэ только что выставил с аукциона — человек главного гуна!

— Просто пошутил, чтобы тебя попугать, а ты так бурно реагируешь! — мужчина опустил стекло, его тон был крайне легкомысленным, источая превосходство и высокомерие человека, смотрящего на всех сверху вниз. Он ни в грош не ставил Гу Цзэ. Бросив эту фразу, он резко вдавил педаль газа и умчался прочь.

Лицо Гу Цзэ было темнее тучи, а в груди полыхал огонь.

Какая-то шавка, которую он сам же пригрел и кормил, посмела так с ним обойтись.

Он яростно ударил по рулю. Преследовать беглеца он не стал — резко затормозив, заглушил мотор, выскочил из машины и бросился к Кайенну с сильно поврежденным передом.

— И Яньци!

Добежав до водительской двери, Гу Цзэ подергал ручку — та оказалась заперта. Он принялся колотить ладонью по стеклу:

— И Яньци! Открой дверь!

Внутри какое-то время царила тишина. Гу Цзэ прижался лицом к стеклу, заглядывая в салон: подушка безопасности уже сработала, И Яньци неподвижно уткнулся в нее лицом, а его тонкая бледная шея виднелась из-под расстегнутого ворота обычно застегнутого на все пуговицы костюма.

У Гу Цзэ неожиданно сжалось сердце. Он машинально попытался нащупать хоть что-нибудь, чем можно было бы разбить стекло и спасти человека, но тут же заметил, что мужчина в салоне слегка шевельнулся.

— И Яньци! Открой дверь! — Гу Цзэ стукнул еще пару раз, и И Яньци очень медленно зашевелился, поднимая руку. Дверь отворилась. Гу Цзэ резко потянул ее на себя, и тело И Яньци стало заваливаться наружу — Гу Цзэ успел подхватить его на руки. Только тогда он заметил, что у того разбита голова и сочится кровь, а все лицо было донельзя бледным, источая хрупкость, какой он в нем никогда прежде не видел.

— А-Цзэ! Что случилось?!

Чжао Личуань и Шан Жун подросли первыми, за ними следовали остальные друзья. Увидев эту картину, они на секунду замерли.

— Э-э-э, что с И? Откуда столько крови? — Шан Жун слегка запаниковал, протягивая руку, чтобы помочь придержать И Яньци.

Игнорируя их галдеж и вопросы наперебой, Гу Цзэ подхватил потерявшего сознание И Яньци на руки:

— Я отвезу его в больницу, вызывайте полицию. Сделайте все возможное, чтобы поймать того, кто был в джипе. Среди бела дня покушаться на мою жизнь — я упрячу их за решетку.

Выражение лица и голос Гу Цзэ были ледяными. Толпа была настолько шокирована его видом, что даже не успела как следует отреагировать на то, что он нес И Яньци на руках, словно невесту.

Лишь Чжао Личуань не сводил глаз с того, как Гу Цзэ бережно прижимает к себе И Яньци, и продолжал смотреть до тех пор, пока тот не усадил пострадавшего на пассажирское сиденье Бугатти и не умчался прочь. Лишь тогда Чжао Личуань с запозданием пришел в себя: от начала и до конца Гу Цзэ даже не взглянул на него.

Когда в результатах медицинских анализов слишком много пунктов, чтение отчета о медосмотре очень напоминает чтение книги, причем на непонятном языке, где громоздятся горы всевозможных профессиональных терминов и цифр.

Гу Цзэ помассировал переносицу и поднял взгляд на человека, лежащего с закрытыми глазами на больничной койке. Прошло уже три часа с момента их прибытия в больницу, а И Яньци до сих пор не очнулся — это поневоле заставляло Гу Цзэ сомневаться в словах врача о том, что это всего лишь легкое сотрясение мозга.

За эти три часа Гу Цзэ успел сделать уйму дел: успокоить звонками их с И Яньци родителей, дать показания полиции, удаленно запросить записи с камер видеонаблюдения на горном серпантине... А некий господин И тем временем преспокойно спал здесь мертвецким сном.

Гу Цзэ отложил отчет об осмотре и наклонился к лежащему на кровати человеку. Тот переоделся в больничную пижаму, и гель на волосах уже потерял свою фиксирующую силу, позволив челке упасть на лоб и сделав его черты более мягкими. В таком виде И Яньци будто сбросил ту броню, в которую обычно кутался, и весь его облик неуловимо изменился.

Он был так похож...

Так похож на себя в детстве.

Гу Цзэ немного понаблюдал за ним, а потом не удержался и ткнул указательным пальцем в его щеку, обнаружив, что та все такая же мягкая, как в детские годы.

— Зачем ты полез на рожон? — тихонько пробормотал Гу Цзэ. — Разве ты меня не терпеть не можешь?

То ли он ткнул слишком сильно, то ли его дыхание оказалось слишком горячим — едва Гу Цзэ договорил, как ресницы лежащего перед ним человека дрогнули, а затем он медленно открыл глаза.

Они встретились взглядами. В обычных обстоятельствах человек, наверное, смутился бы, что его застали за разглядыванием. Но Гу Цзэ не испытывал ни малейшего смущения — напротив, он с живым интересом склонил голову набок и протянул руку, легонько проведя пальцем по ресницам И Яньци:

— Раньше я не замечал, что у тебя такие длинные ресницы.

Только что очнувшийся генеральный директор И явно соображал с трудом. Он какое-то время бесстрастно смотрел на него, обвел взглядом комнату и снова перевел взгляд на лицо Гу Цзэ.

Гу Цзэ приподнял бровь:

— Что за выражение лица? Амнезия? Тогда позволь представиться — я твой муж.

И Яньци молча смотрел на него, а спустя мгновение с выражением крайнего отвращения отвернулся:

— Скучно.

— Память на месте? — Гу Цзэ с наглым видом подался еще ближе, заглядывая ему в глаза. — Раз уж генеральный директор И стал моим спасителем, говори, как тебя отблагодарить?

Закончив фразу, он провел языком по губам, словно они обжигали. На самом деле эти слова следовало произнести серьезно, а не в такой шутливой форме. Просто из-за того, что в последние годы их отношения с И Яньци были донельзя извращенными, Гу Цзэ говорил с некоторой долей фальши.